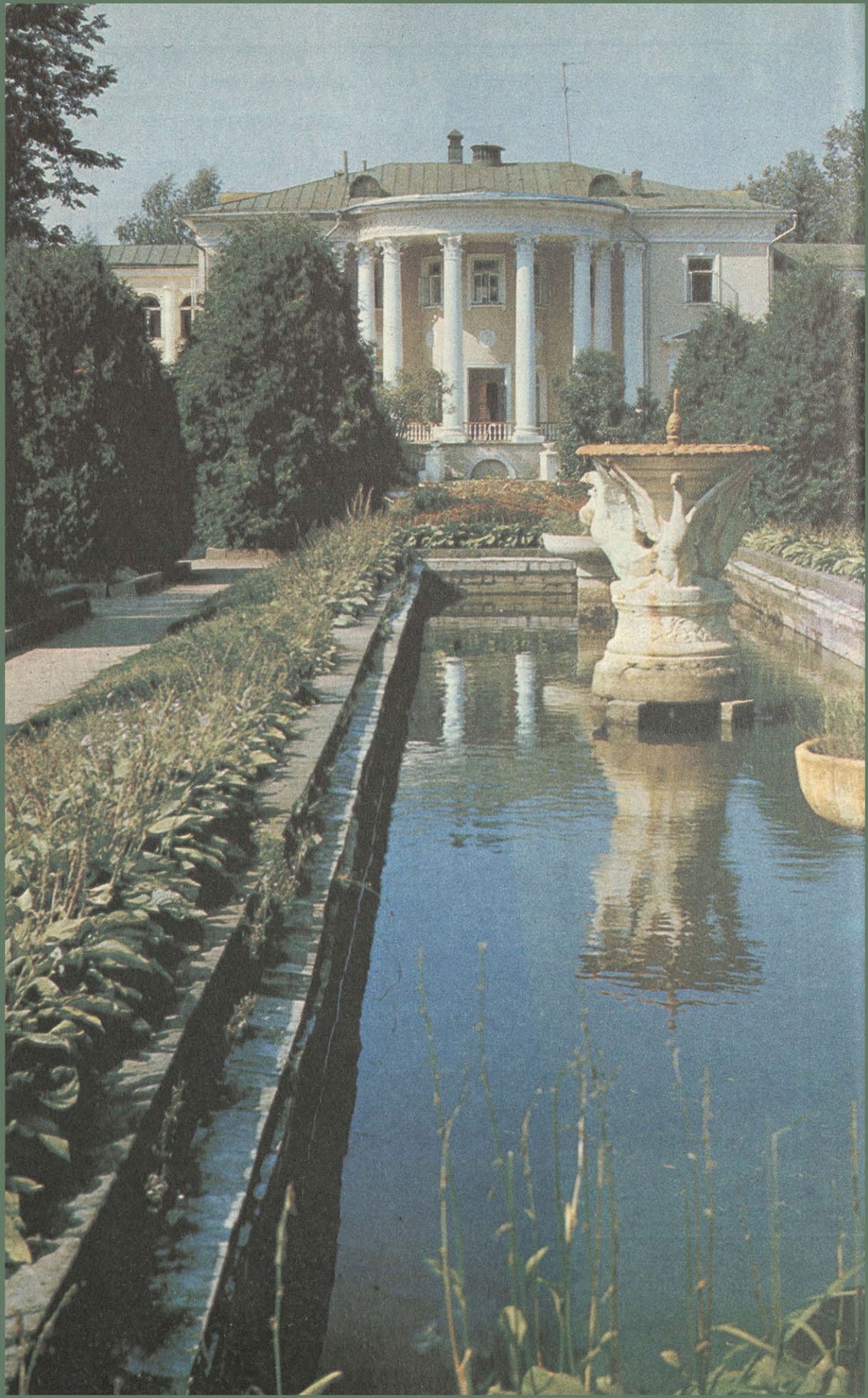

На пленэре

Два подмосковных Барбизона вошли в историю русского изобразительного искусства – Сергиев Посад и Звенигород с их живописными окрестностями. Природа Подмосковья, древняя история – вот сила, которая побуждала художников многих поколений вновь и вновь братья за кисть, чтобы выразить в пейзажах свою любовь к этой земле. Течет скромная речушка Воря, зарастает ивняком, мелеет. Но как подумаешь, что писали ее Коровин, Васнецов, Остроухов, так поклонисься великой реке русского искусства. В истории нашей живописи она Волге и Оке не уступит. Многие художники подолгу жили и работали в одних и тех же любимых местах. Для Михаила Васильевича Нестерова таким местом был Сергиев Посад и близкие к нему деревни. Отсюда он писал письма друзьям и близким. Левитан и Якунчикова прославили Звенигород, Сергей Герасимов – Можайск... Подмосковье навсегда останется музеем русских художников.

Письма из Сергиева Посада

ти письма Михаил Васильевич Нестеров писал своим близким, чаще всего сестре Александре Васильевне и другу Александру Андреевичу Турыгину. Мы выбрали только небольшое их число, некоторые сократили — нам важно было показать, какое значение для творчества художника имела Троица, мир монастыря, окрестные пейзажи, встречи его с абрамцевским кружком, долгие беседы с отцом Павлом Флоренским. Это не были краткие наезды на эту землю, и она щедро питала его воображение, помогла рождению большого художника. В истории искусства, наверное, немного примеров такого рода — когда место создало и прославило художника. Но место особое: здесь поныне жив дух Сергия Радонежского, здесь начиналась Куликовская победа. Здесь Андрей Рублев написал «Троицу» — самое великое произведение русского искусства. И здесь же, в соседнем Абрамцеве, родился целый поток нового русского искусства. Здесь в споре искали истину Павел Флоренский и Сергей Булгаков. Такими их и написал Михаил Васильевич Нестеров. Написал на фоне любимого окрестного пейзажа, который угадывается едва ли не во всех его этюдах и картинах — в «Пустыннике», «Видении отроку Варфоломею», «Юности преподобного Сергия», в картине «Под благовест». Эта чудная земля дала Нестерову силы быть тем, чем он стал. И он преданно, долгие годы любил ее. Об этом — письма. Поблагодарим судьбу, что телефон в ту эпоху бы еще большой редкостью и художник не звонил своим близким, а писал им. Иначе бы мы не узнали того тайного, сокровенного, что называется творчеством.

А. В. Нестеровой

Сергиев посад. 2 июля 1888 г.

(...) Дела мои идут из рук вон плохо. Погода не дает мне решительно возможности что-либо делать. Единственно, чему она способствует, — это еде и снанию, но за это едва ли можно надеяться быть выбранным в члены Товарищества передвижников. В прошлое воскресенье (не знаю, писал ли тебе) у меня было маленькое событие. Утром пошел я к Троице, с тем чтобы посмотреть натурщика. Походил немного и, не найдя (по обыкновению) ничего годного, отправился было домой. У ворот монастыря — гляжу — сестра Поленова. Поздоровались. От нее узнаю, что она в большой компании, что их двадцать человек. Спустия немного подошли и остальные, с которыми я был знаком ранее. С Мамонтовой и Репиной я знаком не был. Поленова меня представила, представила она и других, которых я вижу в первый раз. Все вернулись в монастырь, а оттуда решили идти к Черниговской Б(ожьей) М(атери) (то есть мимо моей хаты), с тем чтобы успеть на балаганы (с клоуном Дуровым и с живой картиной «Боярский пир» проф. Маковского). В это воскресенье (10-е) бывает здесь ярмарка и балаганы. По дороге к Черниговской все так устали, в особенности же знаменитая по чудному портрету Кузнецова на перед(вижной) выставке Верушка Мамонтова, что еле ноги двигали. Тут я был находчив до необычайности. С необыкновенной грацией (вспоминаю теперь Павла Ивановича Чичикова) предложил зайти ко мне отдохнуть и выпить чаю. Столь эксцентричное предложение всем пришлось по вкусу. И эта армия баб (виноват) очутилась, спустя немного, у меня, в моей приемной. Тут выдвинулась вся мебель, существующая в доме, и все же сидели некоторые по очереди. Подали самовар. Репина (милая и добрая барыня,

маленькое, немного запуганное существо) взялась хозяйничать, и тут пришлось опять ждать очереди. Но, так или иначе, было очень весело и шумно, все, по-видимому, были довольны. Поленова (милый урод) нарисовала мою комнату, Мамонтова тоже. Наконец уже пришлось перерешить, и вместо Черниговской все отправились прямо на балаганы. При прощании Мамонтова взяла с меня слово быть у них вскоре в Абрамцево, верстах в 12 от Троицы, близ Хотькова. Абрамцево знаменито тем, что все знаменитости писали его окрестности, и еще знаменитой своей церковью, где все картины и образы принадлежат корифеям современного искусства: Васнецову, Репину, Поленову, Сурикову и др. Тут знаменитый эскиз Васнецова для собора св. Владимира — «Богоматерь с предвечным младенцем». У Мамонтова все рисуют, играют или поют. Семья артистов и друзья артистов. Зимой я, вероятно, тоже буду у них бывать. В Абрамцево поеду на той неделе, а числа 16–17-го к Поленову. (...)

А. В. Нестеровой

Сергиев посад. 17 июля 1888 г.

(...) С Мамонтовыми я встретился в Хотькове, они ехали осматривать развалины древней церкви близ Троицы, я им предложил вместо этого отправиться посмотреть деревянную церковь времен Василия Ивановича (папаши «Грозного»). Она отстоит от Троицы тоже в нескольких верстах, предложение мое заинтересовало их (мадам Мамонтова и сестра Поленова — члены Археологического общества). Мы отправились довольно комфортабельно, в первом классе и даром (Мамонтов — председатель этой дороги). Село Благовещенское, конечная цель нашего путешествия, от Лавры отстоит всего в 3 верстах, которые мы проехали в экипажах, там я разыскал старосту, мужика умного, степенного и себе на уме. Он сразу смекнул, в чем дело, и повел нас в церковь, которая снаружи не делала собой исключения из типа подмосковных деревянных построек этого века, но внутри она поражает своей оригинальностью, во-первых, материала, а затем и архитектуры. Она состоит из пяти частей, как бы вставленных одна в другую. Тут все веет давно прошедшим, выхватывает зрителя из его обстановки и переносит в былое, может быть, лучшее время. Подробно осмотрев как церковь, так и ризницу, где нашли много набоечного облачения,

многое зарисовали и, усталые от полноты впечатлений, отправились подкрепить себя. Против церкви нам устроили самовар, и в присутствии чуть ли не всего села мы услаждали себя питьем и яствами, а затем поехали назад. У Троицы нас дожидались уже мамонтовские экипажи, и в Абрамцево мы поехали на лошадях, а часа через два были на месте.

Абрамцево, имение старика Аксакова, — одно из живописнейших в этой местности. Сосновый лес, река и парк и среди него — старинный барский дом, с многочисленными службами и барскими затеями, которые и опишу тебе завтра, а теперь пойду спать...

18 июля

Вчера я остановился на намерении описать тебе дальнейшие впечатления, вынесенные мной из моего пребывания в Абрамцево. Изволь.

После обеда отправились осматривать домашний музей и картинную галерею. Из картин и портретов самый заметный — это портрет, писанный Серовым (сыном композитора) с той же Верушки Мамонтовой. Это последнее слово импрессионального искусства. Рядом висящие портреты работы Репина и Васнецова кажутся безжизненными образами, хотя по-своему представляют совершенство. Эта милая девочка представлена за обеденным столом. Идея портрета зародилась так: Верушка оставалась после обеда за столом, все ушли и собеседником ее был лишь до крайности молчаливый Серов. Он после долгого созерцания попросил у нее дать ему десять сеансов, но их оказалось мало, и он проработал целый месяц. Вышла чудная вещь, которая в Париже сделала бы его имя если не громким, то известным, но у нас пока подобное явление немислимо, примут за помешанного и уберут с выставки, настолько это ново и оригинально. Подобная история была до последнего времени с Васнецовым, — что он ни выставит, то, за исключением небольшого кружка друзей, принимается как ненормальное явление полусумасшедшего (хотя и талантливое) человека.

Посмотревши бегло все достойное внимания в доме, отправились в парк — тут первое, что останавливает внимание, это баня в стиле XVII века — архитектура профессора Ропета; далее, углубляясь в глубь парка, темной вековой сосновой аллеей, вы вы-

Вид на Николаевско-Берлюковскую пустынь

ходите на небольшую поляну, посреди которой стоит чудо-церковка. Она не более Никольской часовни. Архитектура ее XII века, по типу она целиком напоминает древние церкви Ростова и Пскова. Каждая деталь, начиная с купола до звонниц и окон, высокохудожественна.

Из нескольких проектов (Репина, Поленова, Ропета, Васнецова и др.) принят был Васнецов, лишь детали — одно окно и пристройка в духе XVII века — принадлежат Поленову.

Между знакомыми Мамонтовых ходит анекдот, что сама Мамонтова потихоньку трет стены травой, чтобы они походили на заплесневелые и тем бы придать им более старины. Купол позолоченный, но почерневший, как на старинных церквях. Но это внешний вид. Зайдем вовнутрь. Тут целиком новгородский и псковский характер, подобное можно видеть и по сие время, но чего нельзя встретить — это несколько образов-картин, которые вделаны в иконостас. Я упомяну лишь про главные. Направоместный образ «Нерукотворный Спас» — писал и недавно переписывал Репин. На меня сделал этот образ впечатление современного идеалиста-страдальца с томитель-

ным ожиданием или вопросом в лице. Человек этот прекрасный, умный, благородный и пр., но... не Христос! Рядом с ним, только несколько левее, царские двери, и на них «Благовещение» раб(оты) Поленова, первая вещь, написанная по возвращении его из Палестины. Обстановка и костюмы веют Востоком, все изящно и благородно; но чего нет... нет того, что есть в рядом находящемся творении Васнецова «Благодатное небо» или «Дева Мария с предвечным младенцем». Эта вещь может объяснить Рафаэля.

Фоном служит безвоздушное пространство, бесконечное небо, и по нему-то летит чудное, божественное, идеально непорочное создание; в руках благодатной Марии божественный младенец с протянутыми руками, с выражением бесконечного желания быть среди людей, учить их и страдать за них.

Зритель видит, что еще немного — и видение исчезнет, оно осязательно удаляется от земли и приближается к небу, к раю, к Богу. На него хочется смотреть, и боишься потерять его из виду.

Теперь упомяну лишь о «Сергии» то же Васнецова. Тут как нигде чувствуешь наш

родной север. Препод(обный) Сергей стоит с хартией в одной руке и благословляет другой, в фоне — древняя церковка и за ней дремучий бор, на небе — явленная икона «Св. Троица». Тут детская непорочная наивность граничит с совершенным искусством. Из православного храма отправились мы в «Капище» или нечто подобное избушке на курьих ножках. Тут русский дух, тут Русью пахнет, все мрачно, седые ели наклонили свои ветви, как бы с почтением вслушиваясь в отрывистый жалобный визг сов, которые сидят и летают тут десятками. Это чудное создание, не имеющее себе равных по эпической фантазии... Далее идет мастерская С. И. Мамонтова — архитектора знаменитого Гартмана. Вот главное что поражает на первый раз, мне кажется, всякого, кто попадает в Абрамцево. Я был там до вечера другого дня и поеду еще, вероятно, в первых числах августа. 22-го же еду в Царицыно, а оттуда к Поленову до 25-го. Работа моя движется хотя медленно, но довольно сносно. Задумал еще небольшую картину «Пустынник», которая и задержит меня, верно, здесь числа до 20 августа.

А. А. Турыгину

Сергиев посад. «Пещерная гостиница».
23 апреля 1895 г.

...Вот уже пять дней, как я в деревне, или, точнее, в монастыре, или — того точнее, в монастырской гостинице, в 2–3 верстах

М. В. Нестеров. Философы. 1917.

от Троицкой лавры, в так называемых «пещерах у Черниговской». Пещеры эти однородные по характеру с Киевскими и похожи на катакомбы; в одной из пещер находится чудотвор(ная), очень чтимая икона Черниговской Б(ожьей) М(атери). Икона эта собирает сюда много тысяч богомольцев, которые несут и везут многие тысячи рублей. Обитель цветет, монахи грубеют и живут припеваючи, мало помышляя о том, о чем по положению они должны помышлять неустанно. Но это дело их...

А. А. Турыгину

Сергиев посад. «Пещерная гостиница».
14 августа 1895 г.

(...) Завтра Успениев день; праздник у Троицы и у нас в скиту... Тысячи богомольцев спешат к этому дню сюда, заполняют собой все тропинки, дороги, дома и храмы, в которых здесь нет недостатка. Вот сейчас вечер, 10 ч., но всеночная еще не отошла, кончили «Кафизмы» и начинается самое интересное, и так, мол, там хорошо, что не ушел бы... Сейчас ударили у нас у Черниговской в новый колокол, далеко звук этого великана разнесся по лесу, вот ударили снова... еще и еще. Хорошо! (...)

А. А. Турыгину

Сергиев посад. 3 июня 1906 г.

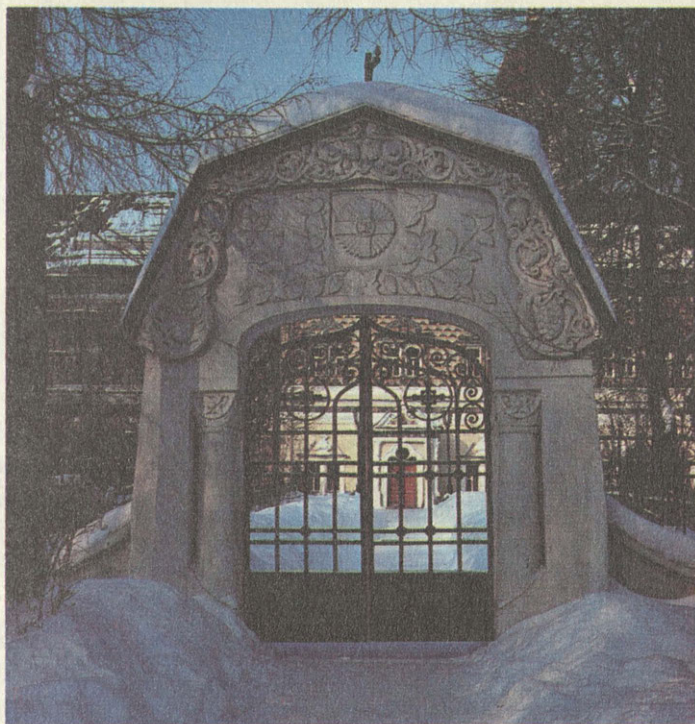
Вот я и снова под Москвой, у «Сергия». Наслаждаюсь воспоминаниями молодости, чуть не каждый куст и бугорок напоминает былое, невзвратную юность, молодое творчество!..

Сегодня видел оригинал елочки для «Пустынника», за восемнадцать лет она стала елью, кудрявой, стройной. Правда, за эти годы вырос и я, но не стал ни стройным, ни кудрявым, а обидно!.. (...)

А. А. Турыгину

Черниговская (скит). 19 мая 1908 г.

14 мая я был за обедней в Гефсиманском скиту, там есть деревянная церковка, старая, вот в ней-то шла торжеств(енная) обедня, а потом молебен, на который вышла вся братия. Впечатление огромное, XVI век — Александровская слобода, Кирилло-Белозерский монастырь, красота и

Сергиев Посад. Ворота ограды Духовной академии

сила, и я, как не часто, почувствовал со страшной силой, что я тоже русский и эти мужики-монахи мне родные, такими были мои предки.

А. А. Турыгину

Черниговский скит. 18 января 1917 г.

Пишу тебе, старина, из Черниговской, куда меня выгнал Гетье. Замотался я с картиной. Что ни день – то приходится переживать ее сызнова. Желających видеть картину много. Неохотно ее показываю лишь своему брату-художнику. Из них видели картину три-четыре – всем нравится вещь «по-своему». Но все говорят одно – что она выше всего того, что мной сделано за последние десять-двенадцать лет. И за то спасибо!

Скульптур Коненков настаивает, что по такой теме размер нужно взять втрое?! (У меня семь арш.)...

Была компания «религиозно-философов» – с проф. Булгаковым, отцом Павлом Флоренским, Кожевниковым и другими.

Эти парили в области недосягаемых высот. В этот вечер много пришлось слышать хороших вещей – на другой день договаривали мудрые речи свои по телефону.

Завтра буду в 3 ч. в Москве, а вечером будет кн. Евг. Н. Трубецкой – тоже «философ», но другого толка.

(...) Я сам выеду из Москвы еще не знаю когда, хотя и не невозможно, что и в это воскресенье (22-го), и, полагаю, не позднее 28–29-го. Здесь у Черниговской славно, отдохнул я и телом и душой. Мороз 26 градусов. Темный еловый бор под снегом – и каждое-то дерево мне тут знакомо. Знакомы и люди, среди них есть и хорошие.

Из письма С. Н. Дурьлину в декабре 1923 года:

«У Троицы я живал часто, работал там этюды. Окрестности Чергиновской, Вифании нанесены на этюды, вошли в картины. Там, в Абрамцеве и в Уфе я чувствовал себя дома. У Черниговской монахи говорили: «Нестеров приехал – весна пришла».